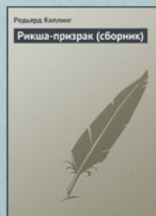

Редьярд Киплинг

Холм иллюзий

*Часть сборника
Рикша-призрак (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Холм иллюзий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648582

Аннотация

«**Он.** Скажи твоим джампани, дорогая, чтобы они не очень спешили. Они забывают, что я не горный житель.

Она. Верное доказательство того, что я ни с кем больше не выезжала. Да, они совсем еще неумелые. Но куда мы отправимся?

Он. Как обыкновенно – на край света. Нет, на Джакко...»

Редьярд Киплинг

Холм иллюзий

* * *

Он. Скажи твоим джампани, дорогая, чтобы они не очень спешили. Они забывают, что я не горный житель.

Она. Верное доказательство того, что я ни с кем больше не выезжала. Да, они совсем еще неумелые. Но куда мы отправимся?

Он. Как обыкновенно – на край света. Нет, на Джакко.

Она. Так возьми с собой своего пони. Это далекий путь.

Он. И слава Богу, это в последний раз!

Она. Ты так думаешь? Я не решалась писать тебе об этом все последние месяцы.

Он. Так думаю! Я запустил все свои дела за осень, а ты говоришь так, как будто слышишь это в первый раз. Почему это?

Она. Почему? О! Я не знаю. Я тоже много думала.

Он. И что же, ты изменила свое решение?

Она. Нет. Ты знаешь, что я образец постоянства. Какие же у тебя планы?

Он. У нас, дорогая моя, прошу тебя.

Она. Хорошо, у нас. Бедный мой мальчик, как натерла

тебе лоб шапка! Ты пробовал полечить чем-нибудь?

Он. Это пройдет через день-другой. Наш план довольно простой. Тонга рано утром, Калька в двенадцать часов, Умбала в семь, затем ночным поездом в Бомбей, оттуда парходом 21-го в Рим. Так я думаю. Континент и Швеция на десять недель медового месяца.

Она. Тс-с! Не говори об этом таким образом. Это меня пугает. Гай, сколько времени мы с тобой безумствовали?

Он. Семь месяцев, две недели и я не помню в точности сколько часов. Постараюсь припомнить.

Она. Я хотела бы, чтобы ты припомнил. Кто это там двое на Блессингтонской дороге?

Он. Ибрэй и жена Пиннера. Что тебе за дело до них? Скажи мне лучше, что ты делала, о чем говорила и думала.

Она. Делала мало, говорила еще меньше, а думала очень много. Я почти не выходила в это время.

Он. Это нехорошо. Ты скучала?

Она. Не очень. Тебя удивляет, что я не склонна к развлечениям?

Он. Откровенно говоря, да. Что же мешает тебе развлекаться?

Она. Многое. Чем больше я узнаю людей и чем больше они узнают меня, тем шире распространится молва о готовящемся скандале.

Он. Пустяки. Мы уйдем от всего этого.

Она. Ты так думаешь?

Он. Уверен так же, как уверен в могуществе пара и силе лошадиных ног, которые унесут нас отсюда. Ха! Ха!

Она. Что видишь ты тут смешного, мой Ланселот?

Он. Ничего, Гунивера. Мне пришло только кое-что в голову.

Она. Говорят, мужчины более способны замечать смешные стороны, чем женщины. Я думаю теперь о скандале.

Он. Зачем думать о таких неприятных вещах? Мы не будем при этом.

Она. Это все равно. Об этом будет говорить вся Симла, потом вся Индия. Он будет слышать это во время обеда, все будут смотреть на него, когда он выйдет из дома. А мы ведь будем погребены, Гай, дорогой... погребены и погрузимся в темноту, где...

Он. Где будет любовь? Разве этого мало?

Она. Я тоже так говорила.

Он. А теперь ты думаешь иначе?

Она. А что ты думаешь?

Он. Что я сделал? По общему признанию, это равносильно моей гибели. Изгнание, потеря службы, разрыв с делом, которое было моей жизнью. Я достаточно плачу.

Она. Но достаточно ли ты презираешь все это, чтобы пожертвовать им? Достаточно ли сильна я для этого?

Он. Божество мое! Что же другое остается нам?

Она. Я обыкновенная слабая женщина. Мне страшно. До сих пор меня уважали. Как поживаете, м-с Миддлдитч? Как

ваш супруг? Я думаю, что он уехал в Аннандэль с полковником Статтерс. Не правда ли, как хорошо после дождя? Гай, долго ли я еще буду иметь право раскланиваться с м-с Миддльдитч? До семнадцатого?

Он. Глупая шотландка! Что за охота вспоминать о ней? Что ты говоришь?

Она. Ничего. Видел ты когда-нибудь повешенного человека?

Он. Да. Один раз.

Она. За что он был повешен?

Он. За убийство, без сомнения.

Она. Убийство. Разве это уж такое большое преступление? Что он испытывал, прежде чем умер?

Он. Не думаю, чтобы он испытывал что-нибудь особенно ужасное. Но почему ты сегодня такая жестокая, крошка моя? Ты дрожишь. Надень свой плащ, дорогая моя.

Она. Да, я надену! О! Смотри, сумерки уж опустились на Санджаоли. А я думала, что мы застанем еще солнце на Дамской миле! Повернем назад.

Он. Что же тут хорошего? Над Элизиумским холмом собрались облака, значит, Мэль весь в тумане. Поедем вперед. Может быть, ветер разгонит туман прежде, чем мы доберемся до Конвента. Однако холодно!

Она. Чувствуешь, каким холодом тянет снизу? Надень пальто. Как тебе нравится мой плащ?

Он. Разве можно спрашивать мужчину о наряде женщи-

ны, в которую он безнадежно и бесповоротно влюблен? Дай взглянуть. Восхитительно, как все, что принадлежит тебе. Откуда он у тебя?

Она. Он подарил его мне в день обручения – нашего обручения, понимаешь?

Он. Черт его побери! Он становится щедрым к старости. А тебе нравятся эти грубые складки около шеи? Мне – нет.

Она. Не нравятся.

Он. погоди еще немного, моя ненаглядная крошка, у тебя будет все, что ты захочешь.

Она. А когда мое платье износится, ты сошьешь мне новое?

Он. Разумеется.

Она. Посмотрим.

Он. Слушай, возлюбленная моя. Разве я для того провел двое суток в поезде, чтобы ты сомневалась во мне? Я думал, что мы все это оставили в Чефазехате.

Она (*мечтательно*). В Чефазехате? Это было века назад. Все это должно рассыпаться в прах. Все, исключая Ажиртолахскую дорогу. Я хотела бы, чтобы это исчезло, прежде чем мы предстанем на Страшном Суде.

Он. Зачем это тебе? За что такая немилость?

Она. Я не могу сказать. Как холодно! Поедем скорее.

Он. Лучше пройдемся немного. Останови своих джампани и выйди. Что с тобой сегодня, дорогая моя?

Она. Ничего. Ты должен привыкать к моим причудам. Ес-

ли я надоела тебе, я могу уехать домой. Вон едет капитан Конглетон, он, вероятно, не откажется проводить меня.

Он. Простофиля! Очень он нужен! К черту капитана Конглетона!

Она. Очень любезный господин. Ты любишь ругаться. Не хватает только, чтобы ты меня обругал.

Он. Ангел мой! Я не помню, что говорил. Но ты так перескакиваешь с предмета на предмет, что я не успеваю за тобой. Я готов на коленях просить прощения.

Она. Тебе часто придется просить прощения... Добрый вечер, капитан Конглетон. Едете уже на концерт? Какие танцы я обещала вам на будущей неделе? Нет! Вы должны были записать правильное. Пятый и седьмой, я сказала. Я не намерена отвечать за то, что вы забываете. Это уж ваше дело. Измените вашу программу.

Он. Кажется, ты сказала, что не выезжала последнее время?

Она. Почти не выезжала. Но когда я выезжаю, то танцую всегда с капитаном Конглетоном. Он очень хорошо танцует.

Он. И оставалась с ним после танцев?

Она. Да. Что ты имеешь против этого? Или ты намерен посадить меня под колпак в будущем?

Он. О чем он разговаривал с тобой?

Она. О чем разговаривают мужчины в таких случаях?

Он. Этого не следует делать! Во всяком случае, теперь я одержал верх, и прошу тебя хотя бы некоторое время не

расточать свои любезности Конглетону. Мне он не нравится.

Она (после некоторого молчания). Ты сознаешь, что говоришь сейчас?

Он. Не знаю, право. Я в дурном настроении.

Она. Я вижу это... и чувствую. Мой верный и безгранично преданный возлюбленный, где ваша «любовь навеки», «непоколебимое доверие» и «почтительное преклонение»? Я помню эти слова, а вы, кажется, забыли их. Я упомянула только имя мужчины...

Он. Гораздо больше, чем только это.

Она. Хорошо. Я говорила с ним о танцах... Может быть, о последних танцах в жизни... перед тем, как я уйду. И у тебя тотчас же явилось подозрение, и ты стал оскорблять меня.

Он. Я не сказал ни слова.

Она. Но как много подразумевал. Гай, разве такое доверие должно быть базисом той новой жизни, в которую мы вступаем?

Он. Нет, без сомнения, нет. Я не думал ничего такого. Честное слово, не думал... Оставим это, дорогая. Прошу тебя, оставим.

Она. На этот раз – оставим, а на следующий, и опять на следующий, и на целый ряд следующих, в течение многих лет, когда я не буду уж в состоянии отплатить за это. Ты требуешь слишком много, мой Ланселот, и... ты знаешь слишком много.

Он. Что ты хочешь сказать?

Она. Это часть наказания. Не может быть полного доверия между нами.

Он. Ради Бога, почему?

Она. Э-э! Другое имя здесь более подходит. Спроси самого себя.

Он. Я не могу задумываться над этим.

Она. Ты так безотчетно веришь мне, что когда я смотрю на мужчину... Ну все равно. Гай, любил ли ты когда-нибудь девушку... хорошую девушку?

Он. Что-то в этом роде было. Давно, в незапамятные времена. Задолго до встречи с тобой, дорогая моя.

Она. Скажи мне, что ты говорил ей?

Он. Что может говорить мужчина девушке? Я уж позабыл.

Она. Я напому. Он говорит ей, что вера его в нее безгранична, что он преклоняется перед землей, по которой она идет, что будет любить, уважать и защищать ее до последнего часа жизни. И с этой уверенностью она выходит за него замуж. Я говорю здесь о девушке, которая не пользовалась ничьим покровительством.

Он. Хорошо. Потом?

Она. Но еще больше этой девушки, Гай, в десять раз больше ее, нуждается в любви и уважении... да, в уважении – женщина, чтобы... чтобы новая жизнь, на которую она решается, была для нее хотя бы сносной. Понял?

Он. Только сносной! Я представлял себе ее раем.

Она. А! Сможешь ли ты дать мне все, о чем я говорила... не теперь, а через несколько месяцев, когда ты начнешь вспоминать о том, что оставил, когда будешь думать о том, что делал бы при прежних условиях жизни, когда будешь смотреть на меня, как на бремя? Я буду нуждаться в этом больше, чем теперь, Гай, потому что тогда у меня не будет никого на свете, кроме тебя.

Он. Ты несколько переутомилась вчера вечером, ненаглядная моя, потому ты преувеличиваешь мрачность положения. После окончания некоторых формальностей в суде наш путь совершенно ясен...

Она. К законному браку! Ха! ха! ха!

Он. Ш-ш! Не смейся так ужасно.

Она. Я... я... не м-мо-огу ничего поделаться с собой! Разве это не бессмыслица! А! Ха! ха! ха! Гай, останови же меня, а то я буду так смеяться до тех пор, пока мы не пойдем в церковь.

Он. Ради Бога, перестань! Ты обращаешь на себя внимание. Что с тобой?

Она. Н-ничего. Теперь мне уже лучше.

Он. Это хорошо. Одну минуту, дорогая. У тебя выбилась прядь волос из-за уха. Вот так!

Она. Благодарю. Мне кажется, у меня и шляпа сбилась набок.

Он. Зачем ты прикалываешь шляпу таким громадным кинжалом? Им можно убить человека.

Она. О! Не убей меня, смотри. Ты тычешь мне прямо в голову. Оставь, я сделаю сама. Вы, мужчины, так неловки.

Он. А у тебя много было случаев испытывать нас в этом отношении?

Она. Гай, как мое имя?

Он. Ну, хорошо. Я больше не буду.

Она. Вот моя визитная карточка. Ты умеешь читать?

Он. Надеюсь. Ну что же?

Она. Это ответ на твой вопрос Ты знаешь имя другого человека. Достаточно этого для тебя или желаешь спросить еще что-нибудь?

Он. Перестань. Крошка моя, я ни на минуту в тебе не сомневался. Я только пошутил. Ну вот! Хорошо, что никого нет на дороге. Стали бы говорить о скандале.

Она. У них еще будет пища для таких разговоров.

Он. Опять! Как я не люблю, когда ты так говоришь.

Она. Странный человек! Кто учил меня презирать все это! Скажи, похожа я на м-с Пеннер? Имею ли я вид развратной женщины? Клянусь, этого нет! Дай мне честное слово, мой глубокоуважаемый друг, что я не похожа на м-с Буцгаго. Вот таким образом она стоит, заложив руки за голову. Нравится тебе это?

Он. Не притворяйся.

Она. Я не притворяюсь. Я м-с Буцгаго. Слушай: вот так она картавит на «р». Похожа я на нее?

Он. Но я не люблю, когда ты держишь себя, как актриса,

и поешь такие вещи. И где это, скажи на милость, подобрала ты эту Chanson du Colonel? Это не песня для гостинной. Нельзя сказать, чтобы она была прилична.

Она. М-с Буцгаго научила меня. А она принята во всех гостинных и вполне прилична. А месяца через два ее гостинная будет закрыта для меня. И она будет благодарить Бога, что не так неприлична, как я. О, Гай, Гай! Я хотела бы походить на некоторых женщин и не стыдиться этого. Как говорит Кин: «Носит волосы с покойника и фальшива вся вплоть до хлеба, который ест».

Он. Вероятно, я очень глуп, потому что ничего сейчас не понимаю. Когда истощатся все твои фантазии, сообщи мне, пожалуйста, и я постараюсь вникнуть хотя бы в последнюю.

Она. Фантазии, Гай! Это не фантазии. Мне шестнадцать лет, тебе ровно двадцать, и ты ждал два часа на холоде у дверей школы. А теперь я встретила с тобой, и мы идем вместе домой. Прилично ли это для вас, ваше императорское величество?

Он. Нет. Мы не дети. Почему ты не хочешь быть благоразумной сегодня?

Она. И это он спрашивает меня в то время, когда я иду на самоубийство ради него! А я не говорила тебе, что у меня есть мать и брат, который был моим любимцем до моего замужества? Теперь он женатый человек. Можешь себе представить, какое удовольствие доставит ему известие о моем побеге. Есть у тебя кто-нибудь дома, Гай, кого могли бы по-

радовать твои поступки?

Он. Есть. Но разве можно сделать яичницу, не разбив яиц?

Она (*медленно*). Я не вижу необходимости.

Он. А-а! В чем ты не видишь необходимости?

Она. Можно говорить правду?

Он. Смотря по обстоятельствам, может быть, лучше говорить.

Она. Гай, я боюсь.

Он. Я думал, что мы уже покончили со всем этим. Чего ты боишься?

Она. Боюсь тебя.

Он. О, черт возьми! Опять за старое! Это очень надоело.

Она. Боюсь тебя.

Он. И еще что?

Она. Что ты думаешь обо мне?

Он. Не понимаю вопроса. А что ты намерена делать?

Она. Я не решаюсь. Мне страшно. Если бы я могла обманывать...

Он. А 1а Буцгаго? Нет, спасибо. Это я считаю нечестным. Есть его хлеб и воровать у него. Я предпочитаю грабить открыто или уж не начинать ничего.

Она. Я тоже так думала.

Он. Так что же ты, скажи пожалуйста, ломаешься?

Она. Это не ломанье, Гай. Я боюсь.

Он. Прошу тебя объясниться.

Она. Это не может быть надолго, Гай. Не может быть надолго. Ты будешь раздражаться, это скоро надоест тебе. Затем ты будешь ревновать, не будешь верить мне – как и теперь, – и ты сам будешь наибольшей причиной сомнений. А я... что я буду делать тогда? Я буду не лучше м-с Буцгаго, не лучше всякой другой. И ты будешь знать это. О, Гай, неужели ты не видишь?

Он. Я вижу только, что ты ужасно неблагоприятна, моя крошка.

Она. Ну вот! Как только я начинаю не соглашаться с тобой, ты сердишься. И это теперь, а потом ты будешь ссориться со мной каждый раз, как я сделаю что-нибудь не по-твоему. А если ты будешь жесток со мной, Гай, куда я уйду? Куда я уйду? Я не могу положиться на тебя. О, я не могу положиться на тебя!

Он. Мне тоже нужно было бы задаться вопросом – могу ли я положиться на тебя. Я имею для этого полное основание.

Она. Не говори так, дорогой мой. Мне это причиняет такую же боль, как удар.

Он. И мне не весело.

Она. Я не могу ничем помочь. Я хотела бы умереть! Я не верю тебе, не верю и себе. О, Гай, пусть будет так, как будто ничего не было, пусть будет все забыто!

Он. Слишком поздно. Я не понимаю тебя. Лучше не будем говорить сегодня. Я приду завтра.

Она. Да. Нет! О, дай мне время! Еще день. Я сяду в рикшу и встречусь с ним около Пелити. А ты поезжай.

Он. Я тоже поеду к Пелити. Я хочу выпить чего-нибудь. У меня как будто почва колеблется под ногами... Что это там за скоты воют в Старой библиотеке?

Она. Это репетиция концерта. Слышишь голос м-с Буцгаго? Она поет соло. Что-то новое. Слушай! М-с Буцгаго поет в Старой библиотеке.

Он. Нет, я не буду пить. Доброй ночи, крошка. Увидимся мы завтра?

Она. Д-да. Доброй ночи, Гай. Не сердись на меня.

Он. Сердится! Ты знаешь, что моя вера в тебя безгранична. Доброй ночи и... Господь с тобой!

(Через три минуты. Один.)

Гм! Дорого дал бы я за то, чтобы узнать, какой другой мужчина во всем этом замешан.